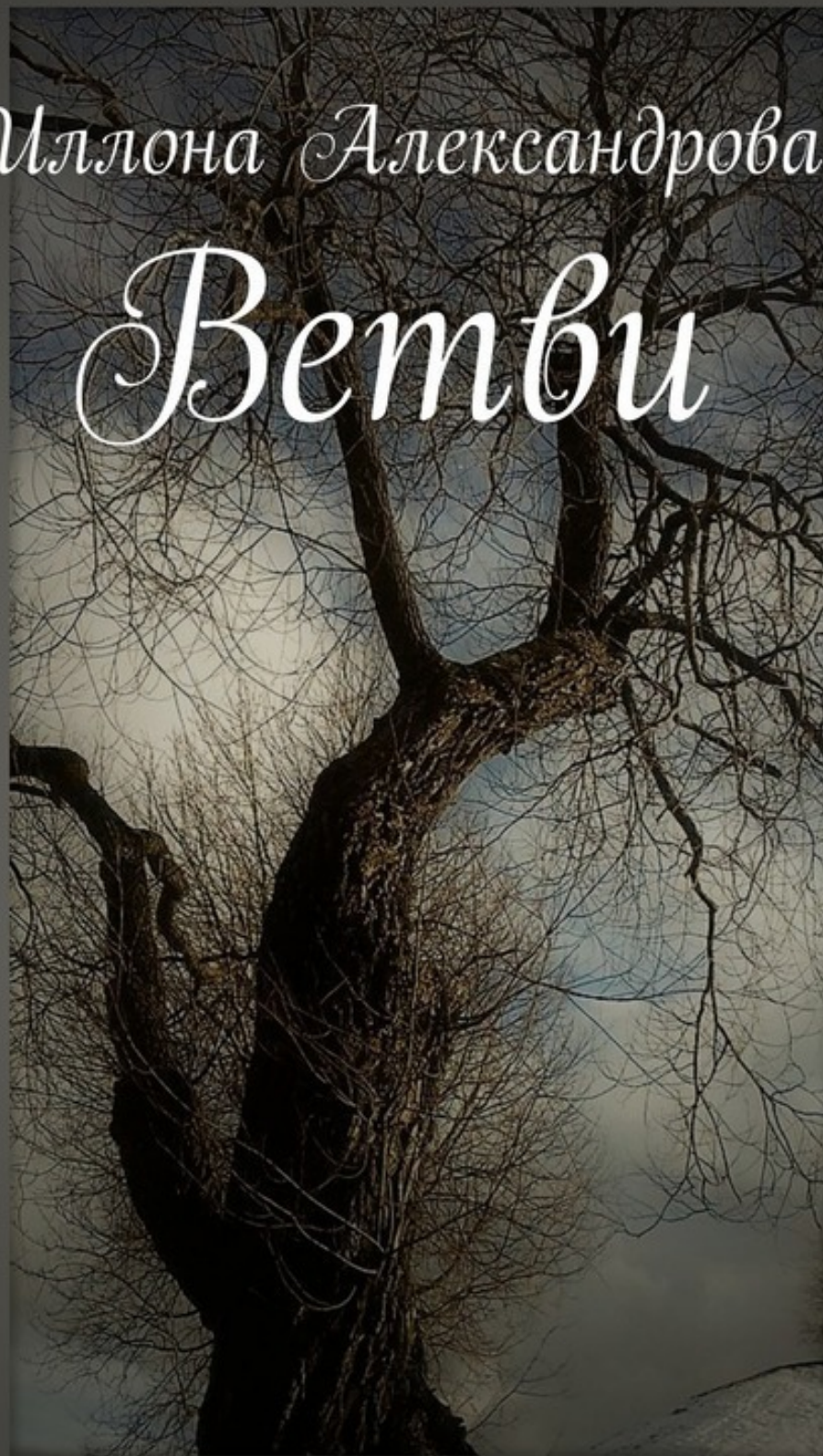


Милона Александрова

Ветви



Иллона Александрова

Ветви

«Издательские решения»

Александрова И.

Ветви / И. Александрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852894-1

Ветви, как руки. Без листьев. Убоги, корявы. Красивы. Выпиты
соки. Трудно быть сильным. В мире жестоком Трудно быть абсолютom. Дико
выть волком В сером лесу безлюдном. Страшно быть Богом Чистым,
блестящим В мрачной утробе. Трудно быть настоящим.

ISBN 978-5-44-852894-1

© Александрова И.
© Издательские решения

Содержание

Ветви	6
Свитер	7
Гимн не нами прожитой любви...	8
Повенчаннные часами	9
Бог свидетель	10
Деметра, Мокошь, Фрейя...	11
Девушка старшего брата	12
И короткий день вдруг станет длинным... Самая обычная весна	15
Я чаще всех целую сигареты	16
Если прекращается любовь	17
Анна Ахматова	18
Ахматова. Фонтанный дом. Шилейко	20
Лестницы Абхазии	23
Глубокая философия простыми словами (Путь в одном башмаке)	24
Дух Марокко	27
Венгрия целуется	28
Матрос с Марата	30
Навсегда	31
Трижды	32
Слова	33
В. М.	34
Принцесса Океана	35
Давай потанцуем!	36
Любить, не причиняя зла	38
Смертный грех	39
Нам уже не проснуться	40
Древний Рим	41
Казачья	42
Долина дольменов	44
Лилит	45
Звезда нестандартного формата	47
Про суши	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ветви

Иллона Александрова

© Иллона Александрова, 2017

ISBN 978-5-4485-2894-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ветви

Ветви, как руки.
Без листьев —
Убоги, корявы...
Красивы.
Выпиты соки.
Трудно быть сильным.
В мире жестоком
Трудно быть абсолютom.
Дико выть волком,
В сером лесу безлюдном.
Страшно быть богом
Чистым, блестящим,
В мрачной утробе.
Трудно быть настоящим.

16.04.2004 год

Свитер

Свитер. Коже безумно колко.
Вижу алых сердец осколки
Полыхают за домом где-то —
Просто осень убила лето.

Просто ты был похож на сказку:
Откровенные карие глазки...
Телу зябко, а свитер душит.
Мы свои разорвали души,

Распороли, не поленились —
Чтоб сердца наши вместе не бились.
Пусть теперь полыхают где-то,
Твоя осень убила лето.

10.10.2005 год

Гимн не нами прожитой любви...

Опять прошла целая жизнь,
Опять мы с тобою не вместе,
Но бесится сердце под двести...
А время бежит и бежит...

Слезинка на веках дрожит,
Трясутся озябшие пальцы...
Такой не бывала я раньше,
Такой и сегодня не быть!

На закат ты поставь – многоточие...
Гладь залива. Не важно где.
Разбилось ли, кровоточит?
Догорает небо в воде.

14.06.2016 год

Повенчаные часами

Меж безвременья полюсами
Мы, повенчаные часами,
Под набухшими небесами,
Чуть охрипшими голосами:
Вторим.
Слышим,
Дрожим,
Боимся,
Обижаемся,
Злимся.
Злимся!
Но ответа, не получаем.
Доживаем жизнь,
Проживаем.
Прожигаем насквозь.
Наизнанку выворачиваем.
Подранки от любви,
Безотчетной страсти.
Вездесущи и
Безучастны.

27.07.2005 год

Бог свидетель

Посреди огромного поля
Одиноко стоящий стог...
Такие простор и воля.
И прямо на нас смотрит бог:

Всамделишный, настоящий,
Смотрит жадно, во все глаза,
Что кажется розовеют,
Багрянятся небеса.

Стыдлива улыбка бога.
А мы потеряли стыд.
В траве музыкант-кузнечик
Стрекочет, поет, звенит.

О, странные танцы страсти:
Соломинки в волосах...
А незаконные браки
Свершаются на небесах?

Я вижу свое отражение
В темном стекле очков...
Лето – самосожжение
И молитв и грехов.

Лето, горячий полдень,
Запах земли и трав...
Ты, как и я – свободен,
Ты, как и я – не прав.

Я ничего не помню,
Лишь одинокий стог,
И как за нашей любовью
Тайно подглядывал бог.

10.12.2016 год 03.00.

Деметра, Мокошь, Фрейя...

Не важно Богини какой имена
Ты шепчешь, доверчивый смертный...
С начала времен, слышишь ты, Аннуна —
Единственный Рай во Вселенной!

И в каждом народе есть имя своё
Для той, что народу милее —
Умами и душами властвую я,
И это, поверьте, важнее.

Даря вам надежду, что скот не помрет,
Что колос пшеничный нальётся,
Богиня-проказница рядом идет,
То плачет, то тихо смеётся.

Дождями течёт по ланитам вода,
Туманы ложатся на плечи.
Всегда Мать-Природа была молода,
Всегда её сердце вас лечит:

Полезной травой и чириканием птиц,
И краской зари на рассвете...
Всегда Мать-Природа в заботах о вас,
Ведь вы, для Богов, только дети.

Не важно, как ты называешь меня,
Какую молитву читаешь.
Умами и душами властвую я,
Достаточно мне, понимаешь.

21.12.2016 год

Девушка старшего брата

Василевский остров.
Год девяностый.
Начало осени.
Вихри стихов.
Небо высокое
С проседью облаков.

Коммуналка на n-й линии,
На проспекте Большом.
Не горячо, не холодно,
Но хорошо.
Тебе одиннадцать. Вот засада!
Глупо влюбиться в девушку
Старшего брата.

Она улыбнулась.
Тебе улыбнулась.
Радугой расплылась.
В тебе все заныло
И встрепенулось.
Почуял связь.

Они расстались в девяносто третьем.
Она ушла.
Ее глаза и ароматы. Ее душа.
А старший брат был белее ваты.
Но все пройдет.
И вот декабрь.
Пургой объятый
Девяносто восьмой год.

Случайно встретились
В магазине она и он.
Она замужем уже три года.
Он не влюблен.
Смеялась. Брата назвала имя.
Где младший брат?

Уже вырос? Скажи, красивый?
Ты не женат?

И он ответил:
А брат мой рядом,
Могу позвать?
Ни я, ни он, мы не женаты.
Хотим, гулять!

И уже тихо, почти сквозь зубы,
Позвал: «Иван!»
Заходит Ванька. Белеют губы.
...Налит стакан.

«Еще!»
Пьет залпом и не пьянеет.
«Вас проводить?!»
Откуда взялся такой «гвардеец»?
И эта прыть?

Бредут сугробами.
Против ветра.
В снегу дома.
До ее дома два километра.
Декабрь. Зима.

И тут он падает на колени,
На белый снег.
«Прощу, послушай! Ты – мой любимый,
Мой Человек!»

Она пытается улыбаться.
Все будто сон.
К чему скажите ей притворяться?
Он так влюблен.

Они два месяца были вместе.
Весна пришла.
Она влюбилась в другого.
Честно. Она ушла.

Сентябрь девяносто девятого...
Смоленка. Она сидит на бревне,
И говорит ему гадости, гадости
За то, что этот другой
Ее бросил в августе...

Вчера. Радугой вспыхнула
В твоих объятьях сильных.
Ты спросишь: «Мой свет!
Где же тебя носило
Четырнадцать лет?»

«Ванечка, ты же знаешь,
Ответа на этот вопрос нет!»

Старший брат взбесится,

От ревности и отчаянья.
Ей – сорок, она так же красива,
И сегодня, немного печальна.

«Ты снова разобьешь ему сердце,
Как и мне, много лет назад!
От тебя никуда не деться!
У вас загорелся взгляд.

У обоих. Я вижу.
Но ты ни мне, ни ему
Не станешь ближе!

Ты опять исчезнешь,
В утренний туман.
Наша безбрежная радуга,
Наша любовь, наш обман!

Ты ангел заблудшим душам.
Ты вовсе не виновата,
Что когда-то была девушкой
И старшего и младшего брата»

09.01.2013 год 14.30.

И короткий день вдруг станет длинным... Самая обычная весна

То была обычная весна,
Но не вспомнить мне какого года.
Талый снег, то сушь, то непогода.
Самая обычная весна.

Самые обычные дожди
Разрезали небо сотней нитей.
Это просто март. Уж, извините!
Самые обычные дожди.

Самая обычная тоска.
Давит плечи атмосферный столбик.
У подъезда спит соседский Бобик.
Самая обычная тоска.

Самая обычная любовь
Впрыснет в кровь струю адреналина.
И короткий день вдруг станет длинным.
Самая обычная любовь.

Школьная исписана доска
Меловым зигзагом серпантинным.

И короткий день вдруг станет длинным,
Задрожит, как дуло у виска,
И обрушится. Одни руины.

В Питере обычная весна.
Снова дождь. И небосвод, как сито.
Под трубою медное корыто
Наполняется за полчаса.

Школьная исписана доска:
«В моей смерти не ищи виновных!
Я слабею. Это очень больно.
Ухожу. Встречайте, облака!»

И короткий день вдруг станет длинным...
Самая обычная тоска
Задрожит, как дуло у виска.
И обрушится. Одни руины.

21.03.2014 год

Я чаще всех целую сигареты

Я чаще всех целую сигареты:
Бумажный фильтр – к трепетным губам.
И выдыхаю воздух разогретый
Молитвой: Никому я не отдам

Тебя! Ты – ценность не земная!
Но мне твердишь, что я сошла с ума.
И что любовь не может быть без края.
А без тебя мир для меня – тюрьма!

Иду к тебе! Дождь бьет в лицо. И ветер,
Мне кажется, качнул Литейный мост.
Мир до тебя так не был чист и светел,
И не было такого сомна звезд

Над головой. О, плачущее небо!
Дырявое, как сито, по весне.
Не смей рыдать! И где б ты только не был,
Любимый мой, иди на встречу мне!

Вторая сигарета. Триста метров.
Лед на Неве уже готов. Трещит.
Еще одним порывом злого ветра
Огонь из зажигалки был убит.

Я чаще всех целую сигареты...
Пытаюсь прикурить. Горит душа!
Ты ждешь меня там за рекою где-то.
А в мокрых пальцах сложно удержать

Край капюшона. Прикурила. Воздух,
Пропитан влагой, каплями дождя.
Иди ко мне! Пока еще не поздно.
Встречай меня! Целуй! Люби меня!

13.04.2013 год 22.32.

Если прекращается любовь

Нет уже ни славы, ни обмана,
Только тени свергнутых богов.
Боги умирают, как не странно,
Если прекращается любовь.

Таёт свет всевидящего ока
За пределом голубой Земли.
Без него вам будет одиноко.
Без него вы здесь совсем одни!

Все вы ждете, кто чудес, кто манны.
Ну, а что даете вы взамен?
Боги умирают, как не странно,
Стоя, не согнув своих колен.

21.04.2013 год

Анна Ахматова

В Комарово, под вечными соснами,
Доживала свой краткий век,
Любуясь далекими звездами,
Рассыпанными, как снег.

Дождь частый. И небо хмуриться.
И больше не видно звезд.
Над могилою мраморный профиль
В гранитные камни врос.

А кажется, ты живая,
Рядом стоишь, в стороне,
Укутавшись в шаль, не моргая...
Все семьдесят лет, как во сне.

Поешь «Колыбельную» Лёвушке,
Но не можешь его обнять...
В кругу бражников и блудниц,
Ты – просто дурная мать.

Быть нужной кому-то стараешься,
Всю жизнь приживалкой живя...
Ни в чьей любви не нуждаешься,
Сама ни кого не любя.

Все также очаровательна
Глубинною силой большой.
Любой поэт обязательно
Был с раненою душой.

Не сберег царскосельский подарок,
Не любил ты, Борис Анреп...
Модильяни, ах, как был ярок...
Рассыпанные, как снег,

Мужчины, стоящие рядом:
Николай, Вольдемар, Николай...
Отравлена вашим ядом...
Ты, пальчики загибай!

И тонкую сигарету
Изящно подносит ко рту...
Там юность осталась где-то
На царскосельском мосту.

Была женой и любимой,

Любовницей. И больной.
Теряла мужей и сына.
Четырнадцать лет – немой.

Поешь «Колыбельную» Лёвушке,
Но слов уж не разобрать...
Упавшее в землю зернышко
Обязано прорасти!

Стоишь, как невеста на выданье,
В раскрытых глазах – благодать...
Упавшее в землю зернышко
Обязано прорасти!

Но черный крест над могилою
Растет в изголовье твоём,
Жестокий бог не помиловал,
За несправедное жильё.

Но иногда, и в безветрие,
Качается старый гамак...
Под вековыми соснами
Покоится Анны прах.

В Комарово, на старом кладбище,
Под россыпью дальних звезд,
Гордый орлиный профиль
В гранитные камни врос.

20.08.2016 год 02.00.

Ахматова. Фонтанный дом. Шилейко

«Ничего не просил у Бога,
знал, что Бог ничего не даст.»
В. К. Шилейко

Второму мужу Анны Андреевны Ахматовой посвящаю...

Он делал записи в тетрадь.
К словам цепляться – каждый гений!
Где память прошлых поколений?!
Все чувства нынче невпопад.

Все наугад. Бредет на ощупь,
Свои терзания любя.
Спит Петроград. Большая площадь.
И тусклый свет от фонаря.

Горят глаза, и сводит тело
Его чахоточной клешней...
Ахматова не доглядела.
Кто виноват? А кто ж еще?

Фонтанный дом. Одна за ширмой.
Худая, мрачная, как смерть.
Зачем? она же не любила.
Зачем все это ей терпеть?

Его ревнивые нападки,
Да не к мужчинам, а к стихам.
Беги же, Анна, без оглядки!
Беги, куда не знает сам.

Беги из комнаты шумерской,
Что в Шереметьевском дворце.
Беги отсюда, хлопни дверцей,
Без слез сомненья на лице.

Он кашлял кровью. Был безумен.
Его съедал туберкулез.
Его труды, стихи, наука,
Все под откос, все под откос!

Он видел все, «до края мира».
Начать бы с чистого листа!
Ему мила его квартира,
Не давит плечи нищета.

Назвал «лесного зверя братом»
«Земной отрадой сердце не томил»
Он жил своим индивидуальным адом,
По улицам пустым его бродил.

Как «птица о прозрачное стекло»
Он бьется, бьется... Только все без толку.
Декабрь. Морозно. Зажигают елку.
Он не просил у бога ничего.

Он не просил. Она сама пришла.
Сама ушла. Прощай же, Египтянин!
И чем-то сладким из кофейной тянет.
Корица, видимо... Прозрачное стекло.

Светло и радостно вдруг стало на душе.
Под сапогом ломаются снежинки.
И только в сердце, в легких – льдинки,
И женский образ в «неглиже».

Она звала его по имени: Володя.
Ему хотелось слышать: Гильгамеш.
– А, брак с Шилейко – сон дурной, на вроде...
Попутал, ох, попутал меня бес.

К нему сама пришла. Себя считала черной.
За очищением пришла... И тишина.
В нем мир иной, изменчивый, огромный!
Ему не в прок: ни муза, ни жена.

Таких людей рождает «Неземное»,
На время краткое, чтобы забрать назад.
И на Земле все для него – пустое.
Земная жизнь – зловонье, сера, ад.

Ему бы в древность, к землям ассирийским,
Гулять бы в волю. И «Илиаду» прочитавши сотый раз,
Уходит навсегда, прощаясь по-английски.
Иное время у него сейчас.

Иное время. Прах от праха светел.
Иная жизнь. Сменился ход времен.
Мы перед Богом – маленькие дети,
Одной любовью божию живем.

И проживем через века... Есть память!
Она ему писала: «Милый друг!»
А далее не высказать словами.

Потом он умер. И замкнулся круг.

18.08.2015 год 13.30.

Лестницы Абхазии

В небе ночном, над ущельем, Абхазии светит звезда.
С гор ручьи змеятся сотней ужей.
Где-то внизу рыдает-ревет Гумиста
Слезами вдов твоих, в память твоих мужей.

Лестницы в небо пустое – разрушен второй этаж.
Многоэтажки таращатся свету множеством выбитых глаз.
Не отдышаться Сухуму – еще не пришел с войны:
Там, в Гумистинском ущелье, пали твои сыны.

Лестниц узорных перила не чувствуют больше рук.
Где их хозяйева, дети этой земли?
И матерям на долю выпали тысячи мук,
Там, в Гумистинском ущелье, их сыновья полегли.

Солнце горячее, южное солнце палит.
Горы, покрытые шапками облаков.
Время к полудню, видно, самый зенит.
Море прибрежным камням дарит свою любовь.

В горном ущелье бесится Юпсара, с Гегой сливаясь,
Волна накрывает волну.
Озеро Рица сном красавицы спит.
Мирный пейзаж, заполняющий всю страну.

Здравствуй, Апсны! Родина Апсуа.
Вечнозеленый край. Страна души!
Слышишь, Абхазия, ты сама выбирай,
Как тебе дальше жить!

26.06.2015., 27.06.2015 год

Глубокая философия простыми словами (Путь в одном башмаке)

Можно много сказать,
Ничего не сказав.
Можно жизнь так прожить —
Сам себя обокрав.

Можно песню сложить,
Но ни разу не спеть.
Сколько можно терпеть?
Сколько можно терпеть?

Люди просят меня:
Сколько б не было лжи,
Правду нам расскажи,
Ты – акын, расскажи!

На горе есть аул.
Под горою река.
Извиты и круты
У нее берега.

Не вода в ней течет —
Молодое вино.
Только беды несет,
Разрушенье, оно.

Тот, кто в реку войдет
Сразу сходит с ума.
Не вода здесь течет,
А сплошная чума.

Можно много сказать —
Ничего не сказав!
Тот, кто в реку вошел
Был и прав и не прав.

А еще случай был,
Мне поведал орёл:
Кто-то даже поплыл,
А не только вошел.

Не видали с тех пор
Человека в реке:
Где-то ходит чумной,
Да в одном башмаке.

Каждый день на заре
Стайка местных ребят
Сядет в ряд на скале
И на воду глядят.

Что на том берегу?
Есть ли лучшая жизнь?
Ты, акын, расскажи!
Правду нам расскажи!

Я сказал им тогда:
Мне поведал орёл,
Что в одном башмаке,
Тот, кто в реку вошел,

Кто ее переплыл,
Кто забыл отчий дом,
Так в одном башмаке
Он и ходит кругом.

На воде ли круги?
В небесах ли круги?
Сверху смотрит Аллах.
Ты спаси – помоги!

Говорят, тот чумной
Так полсвета прошел,
Лучшей доли искал —
Может, что и нашел.

Молодое вино,
Что течет меж камней,
С каждым годом темней,
С каждым годом черней!

Не видать ни орла,
Ни ребят, никого.
И тогда сам рассказчик
Пригубил его.

И забыл кто он есть.
И забыл что, да как.
Только с правой ноги
Он снимает башмак...

Можно много сказать,
Ничего не сказав.
Можно жизнь так прожить —

Сам себя обокрав.

Можно к свету идти

Налегке, налегке...

Пусть в одном башмаке.

Путь в одном башмаке.

06.04.2015 год 06.20.

Дух Марокко

Четыре колдуна Магриба
В пустыни развели очаг.
Так вечный город был зачат.
Из Мавритании – Марокко,
А из Магриба – Марракеш.
Я снова очищаю «кеш»,
Как сносит все, подув, Сирокко.
Летит к Испанским берегам,
Несет дыхание пустыни...
Звезда из Южного креста
Прошу скажи, скажи мне имя...
Доносит ветер: «Алладин»...
И на вершину минарета садится солнце...
«О, Будур, моя любимая, ну где ты?»
Сахара дышит, как волна,
Текут послушны ей барханы,
За веком век, меняя страны,
И изменяя города.
Как рассыпался Агадир,
И как воссоздан был из пыли...
Тех давних лет...
Но не забыли берберы
Свой берберский след.
И как всегда на воле жили...
Так и живут... Иных уж нет.
Их в первый день похоронили,
Закутав в саван, без гробов,
И головой на встречу Мекке...
И нету силы в человеке
Покой нарушить их земной.
И каждый верный сын Ислама
Пройдет свой Хадж,
Найдет свой Храм,
И час пробьет.
Зовет имам
К молитве...
Я скажу: «Салам»
При встрече ветру над пустыней...
Еще мне снится твое имя...
Твой дух во мне непобедим.

12.03.2015 год

Венгрия целуется

Десять лет – Евросоюз:
Нищих полно на улицах,
А молодым – плевать,
Молодежь целуется!

Очень смешное метро.
В центре купальни Сечени.
Токайское потекло...
Мощнейший удар по печени.

А после «Бычья кровь»
В подвальчике в Сентендре...
Венгрия – ты любовь
Вечная на Земле!

Красив и широк Дунай.
Со стороны, где Пешт
Сотни бронзовых пар
Обуви – нет надежд!

С памятью о Войне,
Марша фашистов ждут —
Мир, ты сошел с ума!
Страха липкого ртуть.

Европу зальет волна
Коричневой злой чумы.
Кому-то нужна война —
Кто богатеет с войны.

В преддверии ко всему
Уже тут был инцидент —
Голову потерял
Умерший президент.

Кому так была нужна
Яноша голова?

Базилики Всех Святых...
Красивейшая из синагог...
Здесь много еврейских душ
Вырезал Холокост:

Сотни бронзовых пар
Обуви на берегу...
Время. Течет Дунай —

Не уложить в строку...

С памятью о Войне,
Букет из красных гвоздик
Дарю я твоей волне.
Голуби с базилик,

Здесь и по всей стране,
В синее небо, ввысь!
Чтоб никогда на Земле
Не прекращалась жизнь!

Смотрим на Будапешт
Ночью с Лысой горы.
В мире, где нет надежд,
Нет и правил игры.

Венгрия. Март. Весна.
Много нищих на улицах.
А остальным не до сна.
Остальные целуются...

30.07.2014 год 05.30.

Матрос с Марата

Я помню белую клеёнчатую скатерть,
И желтый раздвижной массивный стол,
И тети Моти бархатное платье,
И звонких голосов нестройный хор.

Как отмечали шумно День Победы,
И пели песни в каждой из квартир,
И поднимали чарки наши деды
За тех, кто не дожил, но победил.

Как в 41м, у камней Кронштадта,
Был разбомблен и затонул, но жил...
Мой дедушка матросом был с «Марата»,
Еще в 30х он на нем служил.

Потом ушел с него. Другие люди
Свою судьбу связали с кораблем...
Под авиаударом, как на блюде,
Линкор «Марат» на гибель обречен.

Заходит на маневр Ганс-Ульрих Рудель,
Пикирует Ю-87,
Взрыв бронебойной бомбы скоро будет,
Однако смерть он принесет не всем.

Нос корабля отвалится, и ляжет
Он мертвым грузом на песчаный грунт.
Балтийский флот Советского Союза —
Бой за «Марат», как в кашу соли фунт.

Погибло 326 матросов,
А с ними командир и комиссар...
Пройдет чуть больше месяца,
И снова, линкор на боевую вахту встал.

Зенитчики займут посты, как прежде,
И грудью защищая Ленинград...
Балтийский флот — для города надежда,
Его непотопляемый «Марат»!

20.03.2016 год

Навсегда

Ты, присев на корточки, теребил меня за штанину брюк.
Как ребенок, снимал-одевал очки.
Это из разного времени, из разных воспоминаний.
Восемь месяцев длился любовный недуг.
И вот оно: Расставание.

Наше время иссякло, как в чашке вода.
Как в желудке впиталась водка.
Мы расстались мирно. Уже навсегда.
Окончательная сводка.

Бережно. Не прикасаясь к душе. В экстазе
От свободы грядущей.
Я рисую в карандаше
Себя, уже малопьющей.

У меня не было коньяка.
И слов совсем не осталось.
Ты больно сдавил бока.
Я не плакала, я смеялась.

Ты, присев на корточки, теребил меня за штанину брюк.
Как ребенок, снимал-одевал очки.
Восемь месяцев длился любовный недуг.
И закончился. Точечки. Точечки...

02.11.2012 год 23.57.

Трижды

трижды упал пепел с моей сигареты
трижды дуло телефона приставлено было к виску
ветер гудел над землей «где-же ты, где ты?»
не выносимо уйти в смертельную эту тоску
мышка в руке нагревается от натуги
плавится лед, полиэтилен, мозги
кто мы, скажи, кто мы сейчас друг другу
выстрели, позвони, помоги

07.12.2012 год 23.20.

Слова

Роятся, кружатся, как стаи сонных мух,
Как белый пух, как первый снег летящий,
Сто тысяч слов, влиятельных, изящных,
И горло сводит, прерывая дух.

В раз умереть, не сосчитав до двух,
Чтоб слов других уже вовек не слышать,
И только чувствовать, как сердце твое душит,
Всем существом преобразившись в слух.

Слова. Слова. Стекая по запястью,
Ты что-то шепчешь прямо в рукава.
Пытаюсь руки вырвать. Не права!
И бездыханна на пороге счастья.

Мое безмолвие таит в себе покой,
Все золото мира. Где же тут угроза?
Словами ты рисуешь в вазе розы.
Но я тебе не верю, дорогой.

Быть может ты, какой-нибудь другой,
Пытливым слогом чаровал сознание.
И рухнули основы мироздания.
А вот сегодня ты опять со мной.

Опять роятся стаей сонных мух,
Как первый снег хрустальный, настоящий,
Сто тысяч слов, влиятельных, изящных,
И горло сводит, прерывая дух.

31.10.2012 год 22.40.

В. М.

Боже, я дышу твоей душой
Тихий зов ночного Кутаиси.
Боже, мне совсем не хорошо!
Получили, в этом – распишитесь.

Время есть до рокового дня,
До досужих сплетен попрошаек.
Лиля Брик, она – моя семья,
Мама, сестры... Молча вопрошаю,

И мечусь по комнате пустой,
Повторяя «инцидент исперчен»
Я закончил «подвиг свой земной»,
Мир мгновеньем для меня очерчен.

Без «взаимных болей, бед и обид,
Не вините никого, счастливо оставаться»
Сердце убитого не болит,
Не сможет отдаваться!

07.12.2012 год 22.00.

Принцесса Океана

Одна, как перст. Зияющая рана.
На берег хлынет и уйдет с волной.
Ты – Ариель, принцесса Океана,
Лишила сна и отняла покой.

Ты был дороже ей всего на свете.
Ты был ей другом, мужем и царем.
Она – дочь моря и огня. Ты – ветер!
Ты в бесконечном детском сне ее.

Когда вы были вместе, плыло небо,
И растворялось в голубой воде.
Ты много ездил, где ты только не был,
Но в сердце жил повсюду и везде.

Те дни прошли. И солнце раздражает,
Когда ты вечно смотришь на него.
Любовь хрупка. Разбили – умирает.
И в миг не остается ничего.

Ты улетел. Там города и страны,
Там мир огромный, только без нее.
Спит Ариель – принцесса Океана,
Ты в бесконечном детском сне ее.

10.10.2012 год 00.25.

Давай потанцуем!

Куда же ты на ночь глядя,
И двигаешься по кругу.
Вся жизнь твоя в шоколаде,
И вот мы нужны друг другу.

Я вижу, как ты меня хочешь,
Как крепко сжимаешь руку.
Что будет со мной этой ночью?
Мы двигаемся по кругу.

Давай потанцуем, давай,
И сядем в последний трамвай.
А осень дождем по стеклу
Свою затевает игру.

Давай потанцуем с тобой,
А после проводишь домой.
Все это назад двадцать лет,
Романтиков больше нет.

Куда же ты на ночь глядя,
Заводишь свой черный Hummer.
Вся жизнь твоя в шоколаде,
Но кто-то считает хамом.

А дома жена и дети,
Престижная есть работа.
Но только в лицо ветер,
И завтра опять суббота.

Давай потанцуем, давай!
Вспомним, как раньше было.
Сядем в последний трамвай.
Как я тебя любила!

А осень дождем по стеклу,
Плачет, в душе – смеется.
Свою продолжает игру,
Нам выключая солнце.

Хочется убежать,
С тобою на край света.
Крепче меж пальцев сжать
Фильтр от сигареты.

Хочется улететь,

В наше с тобою детство,
Чтобы опять гореть,
В мир, открывая сердце.

Давай потанцуем, давай!
Желтые листья кружат.
Давно наш исчез трамвай,
Во встречных осенних лужах.

Скажешь мне тихо: «Прощай!
Детство неповторимо!
Только одно обещай,
Быть навсегда любимой!»

Куда же ты на ночь глядя?
Не встретимся никогда мы!
Я езжу на Lamborghini,
Ты любишь свой черный Hummer.

Ты не согреешь мне руки,
Мы же другими стали.
А по проспекту Науки
Все так же идут трамваи...

21.09.2012 год 22.30.

Любить, не причиняя зла

Да, я всю жизнь тебя ждала!
Ждала, что будем бесконечно
Любить, не причиняя зла...
Но, что не выстрел —
То осечка!
Любовь твоя нас предала,
И чуть в могилу не свела
Меня, но я не умерла!
Я наши судьбы развела,
Тебя на волю отпустила.
Лети к другой, лети, мой милый,
Любить, не причиняя зла!

17.09.2012 год 19.00.

Смертный грех

Завидую, и злюсь жестоко,
И алчны мысли и слова.
А тело пожирает похоть,
Чревоугодия сестра.

Я завладею твоим миром,
Едва дотронувшись руки.
Я заведу себе кумира,
Как эти смертные грехи!

Теперь иди! Плененный разум
Навек останется со мной.
Пусть постепенно, а ни сразу,
Но будешь мой ты, только мой!

Противоречия съедают,
Ведешь борьбу с самим собой.
Я неземная и земная!
Но будешь мой ты, только мой!

И холод красного в бокале...
Я не хочу окрикнуть: «Стой»
Ты помнишь сказки о Граале?
Ты будешь мой и только мой!

Когда легенды древних кельтов
Переложили на стихи,
И стала чаша с кровью божьей
Виновным отпускать грехи,

Тогда невинные велико
В грехах увязли с головой.
И я в своей гордыне дикой
Твержу о том: ты будешь мой!

Я – мать, царица всех пороков,
Богиня радостных утех.
Захочешь, станешь моим Богом!
Унынье – тоже смертный грех!

19.02.2010 год 20.58. – 21.34.

Нам уже не проснуться

Нам уже не проснуться вдвоем.
Не обидеть друг друга невольно.
Навсегда покинув мой дом,
Мне уже не сделаешь больно.

Просто я вчера умерла.
Нам уже не проснуться вместе.
Снова чистая, до бела,
Как положено божьей невесте.

Так записано, что любовь
Эта только была на время.
Не проснуться уже вдвоем,
Мы стяхнули тяжкое бремя.

Не проснуться. Меня не буди,
Не тревожь поцелуем веки.
Ты ушел навсегда. Уходи!
Навсегда – это значит, навеки!

Просто я умерла вчера.
Сердце порвано. Сгоряча.
Мы уже никогда вдвоем
Новый день не будем встречать.

Нам уже не проснуться, нет.
Разошлись дорожки-пути.
Никогда не смотри мне в след,
И из сердца меня отпусти.

28.07.2012 год 17.25.

Древний Рим

Мой бог – арена, залитая кровью.
Я гладиатор! Торс мой оголен.
Меч заносу над сломленной любовью,
И слышу стон, подавленный, но стон.

И направляя вниз большие пальцы,
Толпа скандирует: Добить ее, добить!
Душа же разрывается на части.
Что стоит мне ей в сердце меч вонзить?

Она и так лежит, почти недвижно,
Иль замерла. Ждет участи своей.
И дышит через раз, чуть слышно,
А ведь была цветущей и моей.

Моей любовью ты была когда-то.
Но предал я. И вот сошлись на бой.
Любовь моя ни в чем не виновата,
Но я не смог пожертвовать собой.

Мои глаза видали Древний Рим,
Арену смерти, залитую кровью.
Я – гладиатор! Я непобедим!
Я только что расправился с любовью.

28.08.2012 год 18.25.

Казачья

Воля. Да, степь. Да, темень.
И на плетень куреня
Облокотился дед мой
Лишь привязав коня.

Деду чуть-чуть за двадцать.
Мальчик, какой там дед.
Темень. Не разобраться
Сколько казаче лет.

Спит за спиной станица,
Спит за спиной Кубань.
В жизни его страницы
Первые, как ни глянь.

Воздух. И сладко-горький
Запах. Трава-полынь.
Хочется разбежаться
И полететь. Остынь!

Конь твой уже разнуздан,
Пусть отдохнет слегка.
Утром, в Тамань. Ты к звездам
Рвешься, за облака.

Воля. Да, степь. Да, темень.
Спит за спиной Кубань.
Дремлет Казачий Ерик.
Раннее утро. Тамань.

В мыле твой конь усталый,
Грива по ветру летит,
Треплются шаровары,
Шашка огнем горит.

Что же в Тамани надо
Ратному казаку?
Ждет там его отрада,
Юная Аймигуль.

«Только вот не казачка!» —
Скажет казачий круг.
И не бывает иначе,
И не бывает вдруг.

Знает казак законы,

Но в сердце его – любовь.
Волны Кубани стонут:
«Старшим не прекословь!»

Не было в роду нашем
Басурманской крови.
Ждет тебя твоя Даша,
Суженой нарекли.

Что же в Тамани надо
Ратному казаку?
Там лишь его отрада,
Юная Аймигуль.

Вышел на круг казачий,
Высший казачий суд,
И обратился к старшим,
Слышал его весь люд.

Долго они решали,
После махнули рукой.
Любовь всегда побеждает,
Закон у любви такой.

Воля. Да, степь. Да, темень.
И на плетень куреня
Облокотился дед мой
Свою Аймигуль обняв.

10.07.2012 год 05.00., 11.00.

Долина дольменов

В лесу стоят разрушенные стены,
С порталным входом и покатой крышей.
Монеты мы кидали в пасть дольмена,
Чтоб наши голоса господь услышал.

Кружилась голова, немели руки,
Отшельники курили фимиамы.
И кроме сердца затихали звуки,
И ждали люди просветленья манны.

Семь тысяч лет раскрашенное небо
Ожогами на коже проступало.
Семь тысяч лет творенье человека
В божественное сказка обращала.

Боялись, презирали, восхищались,
Взрывали динамитом, разоряли.
Такая человеческая слабость:
Сперва возвысили, а после развенчали.

Богов боялись и желали, только
Для связи с богом нам дольмен не нужен.
Горит огнем Всевидящее Око:
Он каждый день читает наши души.

Взгляни в себя! Снаружи внутрь! Поверь мне!
Дольмены у подножия Кавказа,
В реально существующее время —
Реально существующая сказка.

02.07.2012 год

Лилит

По твоему следу, крадучись, падая,
Вставая, и вновь припадая к земле,
Идет женщина с виду больная,
Изможденная, и «не в себе».

Ее лицо плащом закрыто, бесформенным,
Серым, как большие крылья.
Она, не умеющая быть покорной,
Изнывающая, от бессилья.

Плетутся за ней, из века в век,
Как собаки на привязи, на людей не похожие,
Три ангела – три недочеловека,
С синими опухшими рожами.

Санной, Сансаной, Самнаглоф думают она их боится,
Думают, ее усмирить не сложно,
Каждый к заветной цели стремится,
Но достичь ее невозможно.

Остановится она. Повернется.
Позовет их, плюясь ивритом.
Сама вроде, как и очнется.
Они решат: «Ее карта бита!»

Но тело Лилит снова станет аморфным,
И опять утечет сквозь пальцы.
Вдруг крылья свои разложит,
Да и ангелов на запчасти.

Повязывайте младенцам красные нити,
Бойтесь ее прихода!
Она устала быть бесчеловечной
В глазах своего народа.

По всему свету дети Евы
Пакостят безнаказанно,
Имя Лилит грязью малюют,
Черными-черными красками.

По твоему следу, крадучись и падая,
Вставая, и вновь припадая к земле,
Идет Лилит, однажды распятая,
Изгнанная, но готовая к борьбе.

Не такая уж Ева овца из ребра,

Не такая уже и скромница,
У кого из двоих чернее дела?
Кто там идолопоклонница?

И в ком из них двоих корень зла?
И кто кому первой женою был?
И кого из них любил Сатана?
А кого Бог забыл?

Соберет в корону свои волосы,
Сложит крылья опять плащом,
И заслушавшись ее голоса,
Всякий Адам обречен.

04.05.2012 год 20.50.

Звезда нестандартного формата

Лучшее и бесконечно грядущее,
Куклой фарфоровой скалится тьме.
Сердце стуком тишину рвущее,
Захлебывается в тишине.

Обкусаны губы, локти, что еще?
А звонка нет. Спокойствие, как в гробу.
Душа волком на луну воющая,
И вылетающая в трубу.

Нестандартный формат звездной повести,
И болезни. Через тернии, сквозь мрак небес,
Ты – мое возможное будущее,
И поэтому я сегодня здесь.

Головы задравши, смотрим за облака,
Все еще выискиваем свой путь.
Везение не только на дурака,
Для этого надо сделать что-нибудь.

Раз уж такое тебе досталось,
Значит, оно тебе и надо:
Куклы фарфоровой золотое сердце —
Звезда нестандартного формата.

02.05.2012 год 23.55.

Про суши

Так не бывает, а выходит, что бывает,
Когда вдруг любишь сумрачно, запойно,
Когда все прежнее, все, с памяти стирает
Дождями, и срезается послойно.

Когда два месяца перед глазами небо,
Когда доступно все, и все подвластно,
Когда нет грани между «Быль» и «Не быль»
Весна. Дожди. И солнце так не часто.

И что любовь, почти изнемогает
Без сна, без устали и без причины...
Мы из себя сомненья изрыгаем...
Ночь на груди любимого мужчины...

Так не бывает, а выходит, что бывает,
Он не дается, но дает всецело,
И душу мне и тело истязает,
Не просто чтоб любило, а болело.

И выворачивает, чтоб была «привязка»,
Чтоб я как «нарик» на него «подсела»
Посмотрим, ожидается развязка...
Любовь затравлена, и очумела,

И бесконечна. Хочется покоя.
Мы сумасшедшие – покой нам будет скушен.
И память, что срезается послойно,
Вдруг осенило: «Ты не любишь суши!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.